

Наталья Путиенко

(ЖЕ) моя история
ЛЮБВИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Путиенко

(Не) моя история любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42655071

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-9803-9

Аннотация

Семь долгих лет я продолжала любить его... Лелеяла призрачную надежду, что однажды мы снова будем вместе. Я одержима им, добровольно сдалась в плен красивых серых глаз. Семь долгих лет я не знала, что с ним и где он. Заставляла себя не думать о том, что он забыл обо мне, что у него давно есть другая. Семь лет я ждала этой встречи, после которой рухнули все мечты. Но может еще есть крохотный шанс исправить ошибки прошлого? Не знаю. Судьба сама расставит все по местам. Содержит нецензурную брань.

– Скажите, вы когда-нибудь любили в своей жизни?

Очередной вопрос, прозвучавший в тишине, был подобен выстрелу. Девица смотрела на меня заинтересованно, прикусывая белоснежными зубами карандаш. Ждала сенсации и, наверно, уже видела заголовки статей на новостных сайтах.

– К чему этот вопрос? – хрипло спросила я, чувствуя ком в горле, который никак не желал рассасываться и очень затруднял дыхание.

– Вы никогда не раскрываете личную сторону вашей жизни, почему? Вы когда-то любили и не хотите об этом вспоминать? – вновь спросила она, подавшись немного вперёд.

Чертов ком, который я безуспешно пыталась сглотнуть, казалось стал ещё больше. Нестерпимо жарко. Я потянулась рукой к пуговичкам пиджака.

– Кто он? Назовите имя, или хотя бы намекните! – воскликнула девица, ёрзая на краю кресла.

Собака. Ищейка, которая почуяла добычу и теперь просто так не выпустит меня из поля своего зрения. Черт, и почему так тяжело дышать?

– На сегодня хватит, – стараюсь взять себя в руки, хоть и получается это отвратительно. – Вам пора.

Простой кивок менеджеру, и журналистку выставляют вон. Она не сдаётся, кричит, что мы ещё встретимся и я пожалею. На мгновение мне становится страшно, а что, если раскопает мою историю, которую так тщательно скрываю от посторонних? Но теперь, не чувствуя на себе колкий взгляд,

пронизывающий насквозь, я быстро прихожу в себя и поднимаюсь с кресла.

Очередной тур по городам закончен, и я могу пару дней отдохнуть. Беру телефон в руки, набираю знакомый номер и, услышав тихое «Алло», выдыхаю.

– Привет. Как вы там?

– У нас все хорошо, – отвечает подруга. – У тебя как?

– Тоже в порядке. Лечу домой завтра с самого утра. Встретишь?

– Как обычно, – её голос звучит тепло и мне становится уютно.

– Спасибо, – шепчу, старательно пряча слезы в голосе.

– Отдыхай, ты потрудились на славу.

В трубке короткие гудки, и мне на миг становится легче. Марина – мой личный психолог. Она всегда находит нужные слова, и я порой не знаю, как мне прожить без неё. Но не сегодня. Сейчас меня колотит озноб, и я тянусь к мини-бару, чтобы выпить немного виски. Снять напряжение, которое сковывает мою душу.

Прошло семь лет с той поры, когда я была глупа и наивна. Целых семь лет. И, может это знак, но спустя столько времени я впервые посетила этот город, в котором раньше жил он.

Говорят, любовь живёт три года. Это ложь.

Прошло семь лет, а я до сих пор постоянно думаю о нем. Помню его голос, немного высокий, но такой ласкающий мой слух, что я таю, как леденец на солнце. Помню его руки, тон-

кие, с длинными музыкальными пальцами, которыми он касался меня, вызывая ток по коже. Помню его запах, свежий аромат парфюма, что так чертовски сексуально смешивался с запахом мужского тела.

Я помню все.

И по-прежнему люблю так, словно не было семи долгих лет разлуки.

Сердце учащенно бьётся, когда я подношу к губам бокал с виски. Его любимый напиток, который он позволял себе выпить после тяжёлого рабочего дня. Теперь и мой. Мой любимый.

Руки тянутся к пачке сигарет, но я вовремя вспоминаю, что курение вредит моему голосу. Зову менеджера, и протягиваю ему практически полную пачку.

Лёше говорить ничего не нужно, он давно привык к этой маленькой и очень глупой традиции. Подкурив, выпускает облако сизого дыма наружу, глядя прямо мне в глаза.

– Ты все еще ждешь? – спрашивает, вновь делая затяжку.

А я молчу. Откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза. В воздухе витает аромат дорогого алкоголя с примесью табачного дыма, и я погружаюсь в воспоминания.

Он сидит, развалившись в кресле и сквозь полуопущенные ресницы смотрит на меня. Его глаза серого цвета притягивают взгляд, возбуждают и, в то же время, заставляют чувствовать себя неудобно. Мне кажется, что он заглядыва-

вает прямо в мысли и душу. Что не нужно говорить что-то, он сам все понимает.

– Мальшика, – тянет он, словно пробует на вкус это слово, а я схожу с ума. – Я скучал. Очень скучал. Иди ко мне, залазь на ручки.

Наверное, я самая счастливая. Точно-точно!

И я покорно подхожу, добровольно попадая в крепкие объятия. Он третя носом о мою щеку, пальцами убирает волосы в сторону и прикасается губами к шее. Тихо шепчет о любви, легко прикусывает кожу...

Стук в дверь разрушает иллюзию. Лёша было подскакивает, но я жестом руки показываю, что все в порядке. Иду и открываю дверь...

Сердце вот-вот выпрыгнет из груди, и впервые появляется надежда. Надежда на то, что все еще не потеряно.

За дверью стоит администратор отеля и, улыбаясь, протягивает огромную коробку, после чего ретируется. Я в недоумении рассматриваю синюю круглую коробку и чувствую слабость в ногах.

Я знаю, что внутри розы. Алые розы. От него.

Развязываю бант и открываю крышку. Да, так и есть. Их много, очень много, и они, розы, прекрасны. Поверх алых цветков лежит маленькая черная визитка, а под ней небольшая открытка. Трясущимися руками хватаю ее, словно это самая драгоценная вещь на свете и на обороте нахожу

надпись. Аккуратным, ровным почерком выведено краткое «Моя малышка лучшая».

Воздух заканчивается, перекрывает тот же чертов ком. Я стараюсь вдохнуть, но это что-то вроде пытки. И первая слеза одиноко скатывается вниз по щеке, чтобы упасть на лепесток алой розы.

Он тоже не забыл. Он помнит. И, возможно, ждет.

Лёша помогает мне дойти до дивана и на его красивом лице вижу напряженную улыбку. Я понимаю, что ему больно видеть это, но ничего поделать не могу. Как и не могу ответить взаимностью.

– Ты можешь идти, – слабо говорю я, ощущая необходимость побыть со своими мыслями наедине.

Он лишь кивает и уходит. На мгновение оборачивается на пороге, чтобы укоризненно покачать головой и тихо сказать:

– Если бы он любил, не заставлял бы тебя каждый раз проходить через это.

Дверь с громким звуком закрывается, и я остаюсь одна. В воздухе все также витает запах дорогого виски и табака, но к нему добавляется аромат алых роз.

И я понимаю, что никогда не смогу разлюбить его. Что всегда буду ждать. И бережно хранить воспоминания о нем в своем сердце.

Утром я практически сползаю с кровати, понимая, что полностью разбита. Мне все также снятся сны, преимущественно кошмары. И каждый раз я остаюсь с ними наедине.

Его крепкие руки прижимают меня к горячему телу. Мне невыносимо спать так, но я молчу. Лишь стараюсь высушить ногу из-под одеяла, чтобы было не так жарко. И сама сильнее вжимаюсь в его тело, словно желаю проникнуть под кожу.

– Малыш, ты выспалась? – шепчет он, едва касаясь губами моего обнаженного плеча. – Ты должна много спать, мышка.

Я блаженно прикрываю глаза и киваю.

Ложь. Он чувствует это, словно знает меня наизусть и читает, словно открытую книгу. Одной рукой бережно тянет на себя, заставляя повернуться к нему лицом. В его серых глаз я вижу волнение – его действительно заботит мое здоровье. И выдохнув, начинаю свой рассказ.

Я пересказываю кошмар, не утаивая детали, которые ему могут быть неприятны. Таков у нас уговор – всегда говорить открыто о том, что внутри или наболело. И принимать друг друга, независимо от обстоятельств.

Он легко гладит меня по спине, прижимает к себе, а я, уткнувшись носом в его широкую грудь, понимаю, что больше не боюсь. Мне больше не страшно. Подумаешь, кошмар приснился...

И на душе становится легко. Рядом с ним я чувствую себя маленькой девочкой, которой ничего не грозит. Он рядом. Большой и сильный. Он защитит.

На журнальном столике меня поджидает кружка горячего кофе. Лёша успел позаботиться обо мне, пока я принимала ледяной душ, выгоняя из себя ночной кошмар и чувство страха. Беру чашку в руки и выхожу на балкон.

Вдох.

Так вот каким воздухом ты дышишь, котенок? Пропитанным смогом и духотой. Наполненным шумом автомобилей и голосами людей. Смотри, теперь и я дышу им. Мне нравится, правда.

Выдох.

Я невольно ищу тебя глазами в толпе, хоть и понимаю абсурдность этой затеи. Слишком высоко. Люди словно букашки. Но тебя я узнаю из тысячи. Ведь я люблю...

Глоток.

Обжигающий кофе не спасает. Чувство страха до сих пор во мне. Оно не утихает, не угасает, а стремится отвоевать как можно больше места во мне. И я не в силах противостоять.

Еще вдох.

Я упираюсь рукой в перила балкона. Мне не хватает воздуха. Мне трудно дышать, словно кто-то невидимый схватил ледяными пальцами за шею и сжимает их.

Наверное, ты никогда не узнаешь, что мои сны эволюционировали. Мне больше не снится бывший муж, который издевался надо мной. Мне снишься ты. И ты уходишь. Как тогда, в тот чертов день, почти семь лет назад.

Молча, без слов. Лишь одариваешь на прощание взглядом, в котором я читаю боль. Я виновата, признаю. Я оступилась, совершила ошибку. За нее и плачу все это время, в котором нет больше тебя.

На пороге появляется Лёша и снова хмурится. Ему не нравится, когда я думаю о тебе. Он злится, считает, что пора тебя вычеркнуть из памяти и перевернуть страницу, а я... Не могу.

– Мы опоздаем в аэропорт, – коротко бросает Лёша, глядя на меня – сонную и растрепанную, так и не сменившую уютный халат на повседневную одежду.

– Дай мне пять минут, – стараюсь улыбаться открыто, хотя выходит с трудом.

Он молча покидает номер, оставляя меня одну.

Я давно научилась собираться за считанные минуты. Мне больше не нужно несколько часов, чтобы привести себя в полный порядок. Поэтому я, как и обещала, спустя пять минут стою в холле, ожидая менеджера. Лёша почему-то не торопится, хотя совсем недавно подгонял меня. Наверное, решает очередные срочные вопросы, связанные с графиком репетиций и записью нового альбома.

Я же, особо не опасаясь быть узнанной, переминаюсь с ноги на ногу неподалеку от рецепции. Ловлю себя на том, что вновь стараюсь высмотреть его в толпе. Но тут же одергиваю строго. Он не придет. Тот, кого так жду, давно уже не мой.

Константин.

Его имя прекрасно. Оно всегда ласкало мой слух, подобно его голосу.

Константин. Костя. Котя. Котенок.

Он высок. Даже очень. Особенно для меня. Мне приходилось задирать голову, чтобы посмотреть на его лицо – волевое и симметричное. Идеальное.

Как и он.

Он берет меня за руку, крепко держит, чтобы не потерялась в толпе. Мы бредем по шумным улочкам Рима и болтаем о чем-то неважном. Балуемся. Даже не смотрим по сторонам. И я, и Костя уже ранее были тут. По отдельности. И этих воспоминаний хватит. Сейчас же мы заняты друг другом.

Тесные улочки очень атмосферные. Они будто пропитаны любовью и нежностью, дышат страстью и желанием. Идеальный город для влюбленных.

А еще здесь очень вкусное мороженое. И просто великолепный кофе.

Устав от долгой прогулки, мы сворачиваем в переулок и забегаем в маленький, но уютный ресторанчик. Пройдя за официантом и присаживаясь за стол, рассматриваем меню, а потом просто наугад пальцем выбираем блюда. Я ему, а он мне. И я счастлива.

Держа его за руку, понимаю, что не хочу его отпускать. Хочу вечно быть рядом с ним, смотреть в его глаза и слы-

шать нежное «мальшика».

Из пучины воспоминаний меня вырывает знакомый голос. Его голос. Сначала мне кажется, что это просто слуховые галлюцинации, но вскоре я замечаю его около рецепции. Рядом с ним стоит молоденькая девушка и держится за его рукав. На ее лице светится улыбка, она счастлива просто быть рядом с ним. А я понимаю, что мое сердце ухнуло вниз с огромной высоты и больше не бьется.

Одно дело – думать, что у него есть кто-то. Другое – видеть это.

Он словно чувствует мой взгляд и поворачивается. На краткий миг наши глаза встречаются и я, не выдерживая, отворачиваюсь. Я знаю, что в моих глазах он увидит боль. А я в его успела прочесть презрение.

От слез, что наворачиваются на глаза, спасает Лёша. Он, как собака, чует, что хозяйке плохо и спешит помочь. Обнимает меня за плечи и плавно подталкивает к выходу, где нас ждет такси. И я покорно иду, судорожно вцепившись пальцами в ручку спортивной сумки, с которой предпочитаю путешествовать. Я знаю, что Костя видит это, смотрит мне вслед и едва сдерживаю глупые порывы повернуться.

Уже у самого такси, я наконец начинаю снова дышать. И все же поворачиваюсь, чтобы в последний раз бросить взгляд на гостиницу, которая стала невольным свидетелем моего краха.

– Ты бледная, – заботливо говорит Лёша, открывает передо мной заднюю дверь такси и терпеливо ждет, когда я сяду. – Может отпуск на недельку? Придешь в себя, восстановишь силы.

– Нет, все хорошо, – холодно улыбаюсь и сажусь на заднее сиденье.

Дверь захлопывается, отрезая меня от шума улицы. Я не могу отвести взгляд от дверей гостиницы. И молю. Молю Костю опомниться, выйти и просто вытащить меня из такси, чтобы заключить в свои объятия. И забрать от всех. Спрятать от всего мира. Запереть в небольшой комнате, где будем только мы вдвоем...

Призрачная надежда тает, словно табачный дым.

Он не мой. Больше не мой. Теперь другая касается его тела, обводя тонкими пальчиками татуировку на груди. Любуется им. Целует. Прижимается к нему, словно кошка, изголодавшаяся по ласке.

А я неживая кукла, лишенная эмоций и закрывшаяся от мира.

Так легче жить. Так легче дышать. Так проще...

Спешу к выходу из здания международного терминала, чтобы вновь увидеть самых дорогих мне людей. Сегодня в аэропорту на удивление немногочленно, но мне плевать. В моем фокусе находятся лишь два человека. Марина стоит у выхода, держа за руку маленького мальчика, который зави-

дев меня, бежит со всех ног. И в следующий миг я заключаю его в объятия, понимая, что все волнения отступают на второй план.

Мой сын. Моя прелесть. Моя радость.

Сереза громко целует меня в щеку, а на его лице застыло счастливое выражение. Невольно улыбаюсь сквозь слезы, прижимая его сильнее к себе.

– Мама, – говорит он громким шепотом и утыкается маленьким носиком мне в шею. – Я так скучал, так скучал! Почему ты так долго не приезжала?

И я плачу. Стараюсь сдержать этот порыв, но не могу ничего поделать с собой. Как и не могу объяснить, почему вынуждена так долго находиться в разъездах.

– Я тебя люблю, кроха, – выдавливаю сквозь слезы и поднимаю глаза на Марину.

Она стоит чуть в стороне, и я благодарна ей за это. Киваю и снова прижимаю к себе Серезу. Мне нравится его запах. Он такой родной, такой свой. Напоминает о тепле и уюте.

Я люблю своего сына. Очень люблю. Хоть он и вылитая копия своего отца. Отца, которого я также люблю.

Я не знаю, сколько проходит времени, прежде чем мы выходим на парковку, где нас ждет уже такси. Серезка рассказывает мне о школе – совсем недавно он пошел в первый класс, где ему безумно нравится. Рассказывает о Марине, которая практически постоянно проводит время с ним, пока я нахожусь в разъездах.

Я понимаю, что очень плохая мать. Ребенку необходимо мое присутствие, забота, ласка, любовь. А я же занята зарабатыванием денег. Мотаюсь по городам и странам, развлекая публику, прыгая перед ними на сцене. И оправдываю себя тем, что я хочу достойной жизни сыну. Но стоит мне остаться наедине с собой, я тихо плачу, ненавидя себя за то, что далеко от сына.

Уже у самого такси поворачиваюсь и смотрю на Лёшу, который помог донести вещи до автомобиля. Одними губами шепчу «спасибо». Я ему благодарна. Очень благодарна. Он поддерживает меня, и прекрасно понимает. Я ценю то, что Лёша делает для меня. И он знает об этом.

Посадив сына в машину, я на мгновение подхожу к Алексею, чтобы еще раз поблагодарить. Он смотрит на меня, берет за руку и просто сжимает.

– Давай отдохнем. Побудь с сыном, я знаю, что ты этого хочешь, – говорит он, улыбаясь. – Всех денег заработать ты не сможешь. И я не хочу, чтобы ты проклинала себя потом за то, что не смогла уделить Сереже достаточно внимания.

– Спасибо, – снова шепчу.

– Я перенесу репетиции и альбом. И месяц не буду тебя дергать. Ты заслужила это, – продолжает он, глядя в глаза.

Киваю, и оборачиваюсь на близких.

– Я пойду, – скомкано прощаюсь и возвращаюсь к сыну.

Не могу насладиться им. Мало. Понимаю, что через месяц, когда вернусь опять к работе, буду сходить с ума. Каж-

дое расставание с Сережей – ад. Мне трудно выпустить его из своих объятий. И я реву. Стараюсь не пугать сына, поэтому держусь до самой посадки в самолет, а потом реву, глядя на облака, что проплывают подо мной.

Сережа развит не по годам. Так и не скажешь, что ему всего лишь шесть лет, скоро будет семь. Он понимает, что мама делает все, чтобы он мог получить лучшее образование, ходить в качественной одежде, привезенной из-за границы и кушать лишь натуральные продукты, которые Марина покупает у местных знакомых фермеров. Он понимает это. А я не могу оправдать себя, как бы не старалась.

Сев в такси, я вновь подхватываю его на руки, чтобы прижать к себе. Марина понимающе смотрит и садится впереди, рядом с водителем. Так мы и едем в полной тишине.

Сережка засыпает, уткнувшись носом мне в плечо, а я украдкой стираю слезы.

Костя смотрит на меня с нежностью, и я таю. Я всегда таю, когда он рядом. Но следующие его слова заставляют меня опуститься с небес на землю.

– Я не готов делить тебя с кем-то, малыши, – хрипло шепчет он, целуя меня в шею. – Ни с кем и никогда. Я не хочу детей, мышка. Они будут отнимать твое внимание. И станут дороже тебе, чем я. Я собственник, помни это.

Сердце учащенно бьется, мне больно слышать эти слова. В своих мечтах я давно нарисовала себе небольшой дом,

который будет наполнен детским смехом. И двоих. Обязательно двоих. Мальчика и девочку.

Но сейчас моя мечта рушится, словно карточный домик. Почему он так жесток? Не понимает, что я очень хочу этого?

Костя, тем временем, касается рукой моих губ, нежно ведет ей, опускаясь ниже, к ключицам. Повторяет губами этот незамысловатый путь, после чего прокладывает дорожку из поцелуев к груди.

– Ты такая сладкая, – выдыхает он и продолжает эту попытку.

Я забываю обо всем на свете и снова растворяюсь в его руках. Зарываюсь пальцами в его волосы и выгибаюсь. Тело ноет, отчаянно просит ласки. И я уже готова вновь принять его. Отдаться полностью, возносясь на вершину наслаждения благодаря его ритмичным движениям.

И двигаться с ним в такт. Видеть нас, словно со стороны. Слышать рваные выдохи и тихие стоны. И чувствовать его в себе. Каждое движение. Каждый вдох-выдох. Каждый хриплый стон.

Я закрываю глаза, стараясь не думать больше об этом. Низ живота стягивает в тугий узел, и я понимаю, что даже спустя столько времени все также хочу его. Только этого мужчину. Другой не сможет подобрать ключик к моему телу и сердцу, потому что все ключи давно у Кости.

У меня лишь его продолжение. Маленький сын, которого он так не хотел. У Сережи его черты лица, это заметно уже сейчас. Его глаза, такие же серые, словно лед. Больше всего на свете я боюсь, что Костя узнает о сыне.

Те слова, брошенные им так опрометчиво, ничего не значат. Слишком многое для Кости значит слово семья. И я понимаю, что, если он найдет Сережу, я навек потеряю сына. И я молчу. Никому не говорю о той стороне моей жизни, чтобы утаить свое солнышко от злого мира.

Я никому Сережу не отдам. Никогда и никому.

Небо затягивает темными тучами. Начинается дождь.

Я тихо покачиваю сына, едва слышно напевая старую песню, которую мне когда-то пела мать. И я счастлива. Я хочу запомнить каждую минуту, проведенную с ним.

Я не чувствую усталости, когда немного позже мы с сыном идем гулять в парк. Воздух наполнен свежестью – недолгий дождь прибил пыль к дороге и наполнил все вокруг своим неповторимым запахом.

Так пахнет детство. Легко и беззаботно. В памяти всплывают краткие мгновения, и я будто снова возвращаюсь туда. Туда, где нет забот. Туда, где босыми пятками можно пробежать по лужам, не думая о том, что кто-то посчитает сумасшедшей.

Невольно шевелю пальчиками на ногах, словно чувствую прикосновение теплой воды. Лужи всегда были теплыми – асфальт, прогретый солнцем, грел воду. И мне казалось, что

весь мир сосредоточен там.

Сын вырывает руку, отбегая к уличному ларьку с мороженым. И я, улыбаясь, иду следом за ним. Мне хочется ему рассказать о том, что есть место – рай на земле, где много-много вкуснейшего лакомства, но я молчу. Не хочу портить эти мгновения воспоминаниями о его отце. Лишь про себя решаю, что обязательно полетим туда с Сережей. В тот славный город, куда ведут все дороги. В Рим.

Я покажу ему прекрасную архитектуру, величественную и почти не тронутую временем. Мы пробежимся по маленьким улочкам, смеясь и радуясь такому теплomu солнцу. Зайдем в ресторанчик, где сын попробует настоящую пиццу. И конечно же мороженое. Обязательно попробует его.

Сережка ест медленно. Смакует. И довольно жмурится, поднимая голову, чтобы посмотреть на меня. Его улыбка открыта и прекрасна, пусть и не хватает одного зуба. Молочный зубик, выпавший совсем недавно, для меня сохранила Марина. Я собираю их в аккуратный мешочек, как сумасшедшая мамочка и вожу постоянно с собой.

– Мама, я хочу покататься на карусели! – просит сын и я позволяю утянуть себя к кассе, где мы приобретаем билеты.

Сережа крутится в кабинке колеса обозрения, пытаюсь за краткий миг узреть все-все вокруг. А я смотрю в его счастливые глаза, видя там отражение неба. Отражение себя.

Немного пугаюсь. Я отвыкла от своей внешности. После ухода Кости стараюсь избегать зеркал. У меня есть на то при-

ЧИНЫ.

Огромное зеркало в тяжелой раме, что занимает практически все пространство стены от пола до потолка, поражает меня и стоящего чуть позади мужчину. В отличие от меня, Костя не испытывает неловкости, когда подхватывает пальцами мое платье и стягивает с меня, оставляя лишь нижнее белье. И немного отступает, любуясь мной в отражении.

Легкий румянец касается моих щек. Я чувствую себя напряженно. Сквозняк, гуляющий по комнате, охлаждает мою кожу, но не настолько, чтобы она перестала гореть.

Он вновь приближается, опуская руки мне на плечи. От этого прикосновения во мне просыпается смесь чувств – желания и нежности, неловкости и смелости. Его пальцы едва ощутимо рисуют на коже узоры, спускаясь ниже. Обводя кружевную край лифчика, на мгновение замирают, но все же продолжают свой путь.

Я слышу его тяжелое дыхание и понимаю, что едва сдерживается. Это обоюдная пытка – я не могу спокойно смотреть на это, а он жаждет большего.

– Только не закрывай глаза, малыш, – выдыхает Костя. И сглатывает. – Ты должна видеть себя настоящую. Такую, какой вижу тебя я.

От его голоса по телу бегут мурашки. Возбуждение усиливается, почти вытесняя стеснение. И я прижимаюсь спи-

ной к его груди, закусываю губу, но не отвожу взгляд от нашего отражения.

Его руки продолжают свое путешествие вниз, опускаясь до края крохотных трусиков. И я не выдерживаю. Закрываю глаза и закусываю губу, чтобы подавить легкий стон.

– Ну же, посмотри, ты прекрасна, – шепчет он с горечью в голосе.

Он не любит непослушания. Не терпит его. А я ненавижу подчиняться.

Качаю головой и всхлипываю. Мне ужасно неловко видеть себя, видеть свои глаза, в которых горит огонь. Я не привыкла к такому.

Костя не говорит ни слова, лишь резко разворачивает меня, прижимая спиной к холодной поверхности зеркала. Я чувствую его возбуждение, и также хочу его. Если не сильнее.

Но спустя миг он отпускает меня и делает шаг назад. Я разочарованно вздыхаю, понимая, что сейчас ему нужно остыть.

Он ненавидит непослушание. Но терпит.

Вновь вспоминаю нашу встречу. Его голос не практически не изменился за семь лет, лишь стал немного глубже. Он называл свою спутницу по имени, холодно и отстраненно. Или мне это кажется. А может я ищу любое оправдание, лишь бы не терять последнюю надежду.

Легко качаю головой, словно пытаюсь отогнать свои мысли. И достаю телефон.

– Сережка, – притягиваю к себе сына, и усаживаю к себе на руки. – Давай махнем в Рим?

– А что там, мама? Это далеко? – спрашивает сынишка, накручивая прядь моих волос на свой пальчик.

– Далеко, – киваю, и добавляю: – Но мы долетим туда быстро. Обещаю.

Сын хмурится недолго, через пару минут на его лице снова улыбка. И он быстро-быстро кивает, после чего целует меня в щеку.

– Хорошо, мамочка, – довольно протягивает он, обнимая меня.

Я слышу стук его сердечка. Оно еще такое маленькое, но уже вмещает в себе столько света. И сын делится этим светом со мной. Это все, что мне нужно.

Мне кажется, я застряла во тьме. Я задыхаюсь в ней, отчаянно ищу выход. Но вновь и вновь натыкаюсь на толстые стены. Обессилев, опускаюсь на холодный пол и тихо плачу. Мне не выбраться самой из этой запертой комнаты. Я не настолько сильна, чтобы побороть мрак, подступающий со всех сторон. Он укутывает меня, прячет в коконе. И лишь в краткие минуты, когда сын рядом, я могу вдохнуть. Напитываюсь светом, словно губка. Отражаю его, чтобы хоть так гореть. И я не жалею о том, что тогда приняла такое решение.

Пальцы быстро набирают буквы, складывая их в поиско-

вый запрос. Бронь отеля и билетов на самолет занимает совсем мало времени. И к тому моменту, как наша кабинка опускается к самой земле, мы выходим счастливыми. И снова идем, держась за руки.

Усталость все же дает о себе знать и, вернувшись домой, я засыпаю на небольшом диванчике в гостиной. Сын страивается рядом, крепко обнимая меня.

Он еще слишком мал и даже не догадывается о том, что его свет отгоняет мои кошмары. Заставляет демонов, живущих в моей душе, прятаться. И я впервые за долгое время спокойно сплю.

Я просыпаюсь сама. Сладко потягиваюсь и тут же скатываюсь с дивана. Сережи рядом нет.

За окном ярко светит луна. В квартире не горит свет и лишь по электронным часам я понимаю, что уже глубоко за полночь. Стараясь не разбудить домашних, крадусь в кухню, чтобы сварить себе кофе.

Индикатор на телефоне мигает. Оповещает о новом смс. И я покорно открываю его, чтобы в следующую минуту оцепенеть.

«Не попадайся больше мне на глаза»

Читаю, и понимаю, что не могу дышать. Горло сдавило, воздух с едва слышным хрипом попадает внутрь. Я понимаю, что это прислал он. И от этого становится больнее.

Начинаю набирать ему что-то обидное, но отпускаю. Его

отпускаю, ведь знаю, что во всем виновата сама. Стираю сообщение и добавляю его номер в черный список. Так будет правильно. Так я поступаю верно.

Пока я вожусь с телефоном, кофе, поставленный на плиту, убегает. Во мне просыпается сожаление, смешанное с горечью...

Даже сейчас ОН не оставляет меня в покое...

Стыдливо зажмурившись, я сижу на высоком стуле у барной стойки. Костя варит утренний кофе, не потрудившись надеть на себя хоть что-то. Признаться, мне нравится смотреть на его скульптурное тело из-под опущенных ресниц. Но я никогда не признаюсь ему в этом.

– Мышка, открой свои глазки, – смеется он, и я чувствую его дыханье совсем близко.

Осторожно открываю глаза, и тут же смущенно закрываю.

Мне неловко видеть его абсолютно голым. Вернее, когда он спит – я могу позволить себе это. Но не сейчас, когда его тело так близко. И он пронизывает своим взглядом – слегка насмешливым, но таким самодовольным.

И я послушно открываю глаза. Пусть испытываю неловкость от этого, но позволяю себе любоваться им. Его тело идеально... Для меня – идеал.

Четко очерченные мышцы выпирают под тонкой кожей... Его татуировка сводит с ума. Столько много знаков

изображено на ней, что я на мгновение теряюсь. Пытаюсь вспомнить, что значат для него.

Восьмерка, она же знак бесконечности и несколько строчек, написанных на латыни...

Наверное, ему нравится чувствовать себя повелителем этой жизни... Но я молчу, не говорю о том, что нашей судьбой распоряжаются силы свыше. Он не верит в них. Как и я не верила, пока не познакомилась с ним.

– Ты странная сегодня, – проговаривает он, а я вновь прячу свой взгляд.

Мы совсем недавно вернулись из Рима. И у меня задержка. Я не знаю, как сказать ему о том, что тест показал две полоски. Поэтому молчу.

Единственное, в чем уверена – наши дни сочтены. Совсем скоро наступит время, когда я не смогу скрывать свое положение. И мне придется уйти.

Я люблю его, очень сильно. Большие жизни. Но также я люблю то чудо, что сейчас во мне. Даже сильнее люблю.

– Что с тобой, малыша? – обеспокоенно шепчет он, подходя впритык.

А я лишь качаю головой, старательно пряча слезы.

– Не заставляй меня вытягивать клещами из тебя это, – его лоб, которым он касается моего, горяч.

– Все хорошо, – шепчу я, собрав свою волю в кулак.

Пока я думаю о нем, сваренный кофе остывает. Наверное,

к лучшему – не люблю пить обжигающий кипяток. Руки сами собой тянутся к сигаретам, но я вовремя отдергиваю их – нельзя.

Прошло семь лет с тех пор, как я бросила курить. И нужно избавляться от привычки расслабляться с бокалом виски. Как и от карточных домиков, старательно выстроенных мной.

«Не попадайся мне на глаза». Сколько яда в этих словах, сколько обиды. И вроде он такой сильный, такой смелый, независимый. Но не смог забыть. Помнит, как и я помню. Значит, изредка, но думает обо мне.

Это тешит меня. Успокаивает. Глупо, но я испытываю некоторое удовлетворение, что живу с этими воспоминаниями не одна. Что где-то, на огромном расстоянии, есть человек, который также не смог вычеркнуть из своей жизни.

Наверное, не сможет.

Костя смотрит на меня, а я стараюсь отвести взгляд. Слишком хорошо он знает меня, слишком хорошо научился читать ложь в моих глазах.

– Повтори, – тихо просит он, и я понимаю, что гневается.

– Я люблю другого, – покорно повторяю я, чувствуя, как сердце сжимается от боли. – И хочу быть с ним.

Он молчит. Но я понимаю, что у него внутри сейчас ураган. Костя никогда не был спокойным человеком, его нор-

мальное состояние – презрение к окружающим, сменяющееся гневом. Лишь со мной он был нежным и заботливым. Таким, каким обычно бывает отец, любящий свою дочку.

– Это ложь? – спрашивает он, нарушая тишину первым, после срывает на крик. – Твою чертову мать, ответь мне!

Удар кулаком в стену, в который он вкладывает всю злость. На костяшках его руки появляется кровь, и я кидаюсь к нему. Потому что больно мне. Больно видеть это.

– Не подходи, – резко бросает он. – Не стоит. Я не хочу причинить боль тебе.

И я останавливаюсь. Впервые за вечер позволяю себе посмотреть ему в глаза, которые полны ненависти.

– Я любил тебя, малыш, – от его слов меня бросает в жар, ведь я слышу их впервые. – Пусть не так, как любит он, раз ты уходишь к нему. Но я любил тебя, как умел.

Он выходит из комнаты, сильно хлопая дверью о косяк. Я знаю, что сегодня Костя заведет свой мотоцикл и будет выпускать пар, гоняя по ночному городу. Это его страсть. Это его способ не причинить никому боли. Это его спасение.

А я останусь тут, среди стен, которые, кажется, надвигаются на меня, словно хотят раздавить, растереть в порошок, уничтожить.

Когда в кухню входит Марина, я уже чувствую себя лучше. Улыбаюсь, предлагаю ей кофе и стараюсь не смотреть на телефон.

– Как спалось? – спрашивает подруга, потягиваясь и присаживаясь напротив.

– Хорошо, – честно отвечаю. – Ты Сережку в комнату перенесла?

– Он крутился, не хотела, чтобы разбудил тебя, – кивает она, делая большой глоток. – Ты разговариваешь во сне, знаешь об этом?

Молчу. И впервые задумываюсь об этом.

– Натусь, я не буду спрашивать у тебя, что происходит в твоей жизни, – начинает она, но смущенно замолкает.

– Но?

– Но почему ты не хочешь, чтобы Костя узнал о сыне?

Встаю и подхожу к окну, за которым едва светает. Обхватываю себя руками, стараясь унять дрожь.

– Он не поймет, – отвечаю спустя некоторое время. – Он никогда не хотел детей. Не любил их, да и не скрывал этого.

Теперь молчит Марина. Эту тему мы затрагиваем не в первый раз. И я знаю, что она найдет доводы, чтобы убедить меня, подтолкнуть к Косте. Это очень странно. Обычно моя подруга всегда на моей стороне, но не в этой ситуации. Тут она полностью оправдывает его. А я злюсь.

– Чужих детей, бусинка, – говорит она мне, словно маленькой. – Ты не можешь быть уверена в том, что он также отнесется к своему ребенку.

– Это не имеет никакого значения, – отрезаю я, понимая, что в ее словах есть смысл. – Марусь, я приняла решение еще

тогда. И я не изменю его ни сейчас, ни спустя десять лет.

– Твое право, – кивает Марина, но в ее голосе я слышу разочарование. – Я обещала тебе, что вмешиваться не буду.

– Спасибо.

Он возвращается домой около трех часов утра. Настолько пьяный, что едва стоит на ногах. Я помогаю ему добраться до кровати, куда он падает, даже не сняв одежду.

Снимаю с него обувь и раздеваю. Уже собираюсь уйти, как он перехватывает меня за талию, и я падаю на него. Прижимает. Второй рукой гладит меня по волосам и нежно целует в уголок рта.

– Я люблю тебя, мышка, – улыбается. – Давай сегодня будем спать так?

– Как? – спрашиваю, хотя внутри все разрывается, распадается на мелкие частички.

– Ты на мне, – шепчет. – А я буду держать тебя в последний раз.

Проклинаю себя за слабость, но не могу сейчас оттолкнуть его и покорно устраиваюсь на нем, положив голову на плечо.

– Когда мы познакомились, я даже не думал, что смогу кого-то полюбить, – начинает он тихо-тихо, едва слышно. – Считал себя отбросом общества, уродом, который способен лишь разрушать все вокруг. Что ты сделала со мной, мышка?

Замолкает. Я слышу, как бьется его сердце – гулко и быстро. И понимаю, что он себя сдерживает, чтобы не напугать меня. Не показывает мне свои эмоции, прячет за маской.

– Ты перемолола меня в мясорубке и заново склеила, – выдыхает он. – Уничтожила мой мир, но отдала взамен свой. Черт! Черт! Черт!!!

Испуганно дергаюсь, но он сильнее сжимает меня в объятиях и, кажется, успокаивается.

– Нет, не сейчас, не уходи, – бормочет Костя.

Он горячий. Мне нравится лежать на нем и чувствовать тепло его тела. Я согреваюсь и немного прихожу в себя. Мне хочется остановить время, что так неумолимо несется вперед и просто лежать так. Вдыхать его запах, ставший родным. Слушать тихий голос, которым он убаюкивает меня. Тереться щекой о его плечо и испытывать наслаждение от такого детского прикосновения.

– Я обещал, что приму любое твое решение... Но это не значит, что я смогу смириться с ним.

После этих слов он засыпает, а я чувствую себя скотиной. Не в последний раз, наверное. Скорее всего это чувство будет преследовать меня.

На утро он уходит. Молча, без скандалов. Даже не прощается. А я сижу на пуфе в прихожей, даже не закрываю дверь, что осталась нараспашку.

Выныриваю из воспоминаний и поворачиваюсь к подруге.

– Мы летим в Рим, ты с нами?

Марина неопределенно пожимает плечами.

– Наверное, нет, бусь, – отвечает, глубоко вдохнув. – По-
будь с Сережкой, я вам там не нужна.

– Глупая, – улыбаюсь я, но ответ ее принимаю.

Немного позже начинаю складывать вещи Сережки в небольшой чемодан. Люблю путешествовать налегке, но не тогда, когда дело касается сына.

– Когда вылет? – спрашивает Марина, помогая мне.

– Вечером, – отвечаю я и, потянувшись за телефоном, спешно бронирую еще один билет и номер в отеле.

Марина хотела путешествовать. Посмотреть мир, себя миру показать. Но так уж вышло, что подруга отложила свои мечты в сторону ради меня и моего сына. И я испытываю неловкость перед ней сейчас.

– Собирайся, – улыбаюсь ей. – Ты едешь с нами.

Она смотрит на меня немного удивленно, но потом кивает. Знает, что спорить абсолютно бесполезно. Так и проводим день, в спешке складывая вещи и попутно болтая о предстоящих каникулах.

Вечером мы уже сидим в такси, что мчит нас в сторону аэропорта. До вылета остаются несколько часов, которые мы, скорее всего, проведем в кафе, что в зале ожидания.

Сдав багаж, мы проходим таможенный контроль и уверенно двигаемся в сторону огромного длинного зала. Он поде-

лен на секции, каждая из которых имеют свою стойку регистрации и выход к рукаву, либо автобусу. Основная часть дел сделана.

Найдя необходимую нам секцию, мы располагаемся за столиком кафетерия и делаем заказ. Сережка, как обычно, просит мороженое, а мы с Мариной ограничиваемся кофе. Так пролетает час, совсем незаметно для нас троих.

Я оглядываюсь по сторонам, невольно ища в толпе знакомые лица, хоть и понимаю, что это глупо.

– Мам, можно я пойду туда? – тычет пальчиком Сережа, указывая на подобие детской площадки.

Я киваю, но во мне вдруг просыпается волнение. Сын убегает, а я хочу подняться, чтобы пойти следом за ним, однако Марина не дает мне сделать этого.

– Натусь, он рядом, в поле нашего зрения, – говорит она, придерживая меня за рукав. – Спокойно пей кофе, не будь наседкой.

Волнение не утихает, а перерастает в плохое предчувствие.

Я кожей ощущаю на себе чей-то тяжелый взгляд и начинаю ерзать на стуле, будто села на ежа.

А дальше, словно в каком-то дурном сне, я встречаюсь глазами с ним... С Костей. Он стоит, привалившись к колонне и хмурится. В его позе скользит непринужденность, расслабленность и самоуверенность, но после замечаю, как Костя достает руки из карманов и скрещивает их на груди.

– Черт! – восклицаю я, переводя взгляд на детскую площадку, где играет Сергей.

Марина непонимающе смотрит на меня, а потом тоже замечает Костю.

– Пи***ц, – вырывается у нее.

Мы думаем об одном. Я словно слышу ее мысли, которые на мгновение раньше пронесли и у меня.

Костя близко. В непосредственной близости от детской площадки, где сейчас играет его сын. И я понимаю, что ничего исправить не получится, как бы я не старалась.

– Мама! – кричит Сережа, и бежит ко мне, бережно придерживая одной рукой вторую ручку. – Мама, я упал!

Крупные слезы катятся из его серых глаз, и я на миг забываю о Косте, осматривая сбитый локоть сына. Когда я поднимаю вновь голову, чтобы посмотреть на человека, которым одержима, не нахожу его там. Ушел.

Сердце бьется быстро-быстро, словно я бежала кросс. Он слышал все. Он видел все. И что мне делать дальше?

До самой посадки в самолет я нервно оглядываюсь. В каждом случайном прохожем, как мне кажется, я вижу его. Краткое облегчение наступает в те моменты, когда убеждаюсь, что этот мужчина просто похож на Костю. Однако, в следующую секунду, снова напрягаюсь.

Сережка держит меня за руку. Он уже успокоился и даже доверительно поделился с нами, что локоть больше не болит. Я знаю, что это не так, просто сын старается быть мужчиной.

И мне ужасно от того, что я не могу ничего сделать, чтобы ушиб не болел.

Наконец, мы занимаем наши места, что расположены в хвостовой части самолета. Я сажусь с Сережей рядом, пристегиваю ремень ему и себе. Марина немного дальше от нас, но это не так важно. Приятный мужской голос что-то рассказывает нам и предлагает ознакомиться с правилами безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.